

КЛЯТВА И РАСПЛАТА

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Клятва и расплата

<https://litres.ru/74574647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нейрохирург Анна Громова узнаёт имя пациента, которому предстоит экстренная операция. Три года назад Павел Зуев сбил её шестнадцатилетнюю дочь. Теперь его жизнь зависит от её рук.

Анна хочет, чтобы он умер. И знает, что обязана его спасти.

Коллега слышит её слова и подозревает, что она способна навредить пациенту. Жена Зуева просит о помощи. А после операции появляются сведения, которых не было в деле о гибели дочери: чужая видеозапись, скрытый свидетель и грузовик, исчезнувший из официальной версии аварии.

Чтобы узнать правду, Анне придётся выслушать человека, которого она ненавидит, и вернуться к вечеру, о котором три года старалась не думать.

«Клятва и расплата» — психологический триллер о профессиональном долге, мести и правде, которая меняет прошлое, но не возвращает потерянных.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Руслан Махмудов

Клятва и расплата

Клятва и расплата

Руслан Махмудов

Глава 1

Анна увидела его фамилию раньше, чем лицо.

Лист приёмного отделения лежал поверх снимков. В строке с именем пациента было напечатано: «Зуев Павел Андреевич». Сорок пять лет. Доставлен бригадой скорой помощи. Найден у гаражей на улице Заводской.

Она придержала лист ладонью. Нижний угол намок: кто-то поставил рядом стакан, и бумага успела втянуть воду. Тёмное пятно добралось до буквы «в».

— Анна Сергеевна?

Кирилл Серов стоял у монитора. На рукаве его халата была полоса от носилок, потёршихся о дверной косяк. Он провёл в больнице четырнадцать часов. Анна знала его привычку к концу смены говорить только о необходимом и сейчас была ей благодарна.

— Снимки откройте, — сказала Анна.

Он уже открыл.

На томограмме слева под костью лежала широкая светлая полоса. Структуры мозга были смещены, желудочек сдавлен. На голове пациента снаружи могла оказаться всего одна рана. Внутри места для дальнейшего кровотечения почти не оставалось.

— На месте ещё отвечал. Потом хуже. В машине интубировали. Зрачок слева шире. Давление держат.

Анна подошла к монитору. Она знала, что надо делать. Это знание появилось сразу, прежде любого другого.

— Операционную готовят?

— Нина уже там. Тамара идёт. Рудину позвонил, он выехал.

Виктор Рудин жил за рекой. Ночью мост пропускал машины попеременно из-за ремонта. Даже если ему удастся проскочить без ожидания, понадобится время на дорогу, подъём, переодевание. Последние годы Рудин предпочитал вести тяжёлые травмы со вторым опытным хирургом; немедленной равноценной заменой Анне он не был.

— Второй нейрохирург?

— Орлов в первой. С аневризмой. Ещё минимум час.

Серов не стал спрашивать, зачем она это выясняет. Больница несколько лет принимала пациентов со всей северной части области. В рекламном буклете это называлось «единой системой маршрутизации». На ночном дежурстве означало, что два тяжёлых случая могли приехать одновременно, а третьего опытного нейрохирурга рядом не было.

Анна взяла бумагу и пошла в противошоковую палату.

Его обувь стояла под каталкой. Один ботинок был расшнурован, другой сняли, не развязав. На полу лежала засохшая чешуйка грязи. Всё это она отметила с той странной точностью, которая иногда возникала в начале трудного дежурства: мелочи становились отчётливыми, пока главное ещё не было принято.

На каталке лежал мужчина с поседевшими висками. Правую бровь рассекала свежая рана. Нижняя половина лица была закрыта трубкой и фиксаторами, но Анна узнала его.

Три года назад он сидел в суде, положив ладони на колени. Его машина после столкновения с Лизой ударилась в бетонное ограждение работ. У него был сломан таз, начало рассматривания откладывали. Рядом с его местом стояли костыли. Она помнила эти ладони лучше лица: широкие, с обломанными ногтями. Когда ему предложили сказать что-нибудь матери погибшей, он развернул их вверх.

«Я не знаю, что можно сказать».

Тогда она решила, что он не хочет просить прощения. Позже много раз пыталась вспомнить интонацию и уже не могла отделить настоящий голос от собственного ответа ему.

— Вот нейрохирург, — произнёс врач приёмного отделения.

У изголовья работала Тамара Лукина. Она подняла глаза, кивнула и снова посмотрела на монитор. Её сестра проверяла крепление венозного катетера. Все продолжали делать свою работу. Только у Анны задача получила имя.

Она осмотрела пациента. Проверила то, что требовалось проверить. Не прикоснулась к его ладоням.

— Острая субдуральная слева, — сказала она. — Срочно. Везём.

— Родственники подъехали, — сообщил молодой врач. — Жена. Она там, за дверью.

Анна посмотрела на настенные часы: ноль сорок семь.

У Лизы тоже были часы. Не наручные, а кухонные, которые она унесла в свою комнату перед экзаменами. Сказала, что телефон отвлекает. Потом пожаловалась, что тиканье мешает спать, и вернула их на стену. Это не имело никакого отношения к происходящему, и Анна с неожиданной злостью отогнала воспоминание.

— Анна Сергеевна, — Серов говорил теперь ближе. — Вы его знаете?

Она не ответила сразу. Это промедление он заметил.

— Да.

— Откуда?

За стеклом двери остановилась женщина в мокром пальто. Дежурная сестра пыталась удержать её в коридоре, но женщина смотрела только на Анну. Её лицо она тоже знала. На суде Ольга Зуева сидела через проход и всё время держала в руках бумажный носовой платок, который так и не использовала.

Серов проследил за взглядом Анны.

— Это тот водитель?

Она кивнула.

Он ничего не сказал. Но между ними появился новый вопрос, и Анна поняла, что им уже нельзя заниматься молча.

— Найдите Рудина, — попросила она. — Сейчас. На громкую связь, в комнате рядом.

— Пациента отправлять?

— Отправлять. Подготовку не останавливать.

Он задержался ещё на секунду. В его лице не было обвинения. Было недоверие к ситуации, которой не предусматривало дежурство. Она могла бы помочь ему одним уверенным предложением: «Я справлюсь». Когда-то сказала бы именно так.

Теперь она не знала, что значит справиться.

Каталку повезли к выходу. При развороте рука пациента соскользнула с края. Сестра вернула её под одеяло. Анна машинально подалась вперёд, чтобы помочь, но сестра уже успела.

Женщина за дверью шагнула в проход.

— Анна Сергеевна.

И произнесла её имя так, словно всё остальное было между ними решено.

Анна остановилась на расстоянии двух шагов.

— Ему необходима срочная операция. Без неё он может погибнуть.

— Вы будете делать?

Она ещё не знала ответа, который имела право дать.

— Мы сейчас определяем состав бригады.

Ольга посмотрела в сторону уходящей каталки.

— Он ведь ещё живой?

Это был простой вопрос. Анна ответила на него сразу.

— Да.

За спиной снова зазвонил телефон. Серов поднял трубку

и протянул ей. На экране было имя заведующего.

Анна вошла в маленькую комнату, где хранили запасные бланки. На стуле лежала чья-то сумка с контейнером для еды. Она перевернула свободный лист и положила перед собой.

— Виктор Павлович, у нас конфликт интересов, — сказала она. — Я должна вам его объявить.

Глава 2

Рудин попросил повторить фамилию.

Она повторила и назвала год аварии. Серов стоял у двери.

Анна жестом попросила его остаться.

— Я поняла, кто он, при просмотре направления. Пациент уже готовится к операции. Мне нужна замена.

Из телефона донёсся шум поворотника.

— Орлов?

— Занят. Кирилл здесь, но такую травму самостоятельно ещё не вёл.

— Пусть начинает. Я приеду.

Серов приподнял голову. Он мог открыть череп, удалить часть сгустка, выполнить отдельные этапы. Но сейчас значение имело не то, что он когда-либо делал под наблюдением. Значение имело, сможет ли он закончить, если мозг начнёт отекать и кровотечение окажется сложнее снимков.

Анна посмотрела на него.

— Вы готовы взять на себя всю операцию?

Он сжал губы. Анна знала, что он давно ждёт самостоятельной сложной операции. Сейчас не могла понять, думает ли он об этом или только о том, как не повредить пациенту.

— Всю — нет, — ответил он.

Она впервые за ночь почувствовала благодарность.

— Виктор Павлович, ожидание небезопасно, — сказа-

ла Анна. — По снимкам выраженное смещение, состояние ухудшается. Перевозить тоже нельзя. Я предлагаю продолжить подготовку и работать с Кириллом. Но вы должны знать обстоятельства. И Тамара должна.

— Вы можете оперировать?

Он спросил это без всякой мягкости. Такой тон был ей знаком. Рудин не умел утешать, зато иногда умел точно поставить вопрос.

Анна посмотрела на свою руку. Рука лежала на столе, пальцы были неподвижны. Ей не хотелось пользоваться этим как доказательством.

— Я понимаю задачу. Я могу выполнять её сейчас. Если почувствую, что не могу, скажу. Скрываться за этим ответом я не буду.

— Хорошо. Тамару поставьте в известность. Серов не уходит. Я еду. Время разговора запишите.

После отбоя Серов остался возле двери.

— Это обязательно сейчас писать?

— Да.

На свободном листе она указала время, обстоятельства, невозможность своевременной замены. Затем зачеркнула выражение «эмоционально стабильна». Написала: «Осознаю личную заинтересованность. Готова выполнять операцию при участии второго хирурга и анестезиолога, информированных о ситуации».

— Прочитайте, — сказала она.

Он прочитал.

— Я должен расписаться?

— Только в том, что присутствовали при разговоре. Если вы с чем-то не согласны, так и напишите.

Серов поставил фамилию, дату и время.

Когда он вышел, Анна позвонила Тамаре. Та выслушала её, не перебивая, и задала всего один вопрос:

— Ты мне скажешь до того, как это станет опасно?

— Скажу.

— Тогда приходи. Здесь уже всё почти готово.

Анна убрала лист в папку пациента. Впервые в жизни ей хотелось, чтобы кто-нибудь приказал ей остаться в этой комнате. Чтобы решение принадлежало другому и можно было потом ненавидеть его сколько угодно.

В коридоре звонил ещё один телефон — её собственный. Илья. Они развелись полтора года назад, но он знал график её дежурств. Не звонил ночью без причины.

Она ответила.

— У тебя ключ от старой кладовки остался? — спросил он.

Она на секунду не поняла вопроса.

— Какой кладовки?

— У твоей мамы. Она говорит, там Лизина коробка с акварелью. У неё прорвало трубу, я сейчас туда еду.

Мать жила на соседней улице, в старом доме с глубоким подвалом. Лиза оставляла там краски, потому что бабушка

позволяла рисовать прямо на кухонном столе. Анна знала эту коробку: зелёный пластик, плохо закрывавшаяся крышка, засохшая белая краска по краю.

— Ключ у меня дома. В верхнем ящике, рядом с квитанциями. Твой ещё действует.

После развода Илья вернул ключ, но потом мать сломала ногу, и Анна дала ему запасной. Обратно не попросила. Они никогда не обсуждали, что это означало.

— Ты нормально? — спросил он.

Она могла сказать: тяжёлое дежурство. Он принял бы ответ.

— К нам привезли Зуева.

На другом конце стало тихо.

— Живого?

— Да. Травма головы. Я должна оперировать.

— Почему ты?

Она коротко объяснила. Профессиональные слова теперь мешали: за ними можно было спрятать всё, что он имел право услышать.

— Ань, — сказал Илья. — Тебя нельзя заставлять.

— Его нельзя заставлять ждать.

Она сказала это слишком быстро. Ей не понравилось, как готово прозвучала фраза, и она добавила:

— Я пыталась передать. Сейчас некому.

— Откажись ещё раз.

Из палаты выкатили пустую каталку. Колесо скрипело на

каждом обороте. Анна отступила к стене.

— Я не хочу, чтобы он проснулся, — сказала она.

Слова вышли тише, чем она собиралась. Произнести их оказалось легче, чем держать внутри. Она ждала, что Илья испугается, начнёт убеждать её, попросит позвать кого-нибудь.

Но он спросил:

— Ты это про него или про то, что тебе придётся потом с ним говорить?

Анна закрыла глаза.

— Не знаю.

Из-за поворота появился Серов с пакетом одноразовой одежды. Он остановился, когда услышал её, и отвёл взгляд. По его лицу она поняла: первую фразу он слышал. Ответ Ильи он услышать не мог: тот прозвучал только в телефонной трубке.

— Я должна идти, — сказала она.

— Позвони после. Что бы там ни случилось.

Она убрала телефон.

Серов протянул ей пакет. Не спросил ничего. Это было хуже вопроса.

— Кирилл, — сказала Анна. — Если у вас есть сомнения, скажите Тамаре. Прямо сейчас.

— Вы сами это слышали?

— Да.

— То, что сказали?

— Да.

Ему было тридцать четыре. У него не было детей. Иногда в отделении это упоминали, как будто семейное положение давало или отнимало право понимать чужую боль. Анна никогда не любила таких разговоров и сейчас не собиралась ими пользоваться.

— Я сказала страшную вещь, — произнесла она. — Она относится к тому, что я чувствую. Вы обязаны следить за тем, что я делаю.

— Я не могу вас контролировать на всех этапах.

— Тогда не делайте вид, что можете. Скажите, что вам нужно.

Он подумал.

— Рудин сразу входит, как приедет. И все решения проговариваем.

— Согласна.

Глава 3

Ольга ещё стояла в коридоре перед шлюзом, когда Анна подошла к шлюзу. Подготовка пациента продолжалась, до обработки рук оставалась минута. Анна остановилась у двери, не приглашая женщину дальше.

Женщина сняла пальто. Под ним был серый джемпер с вытянутым воротом. На груди темнело мокрое пятно — туда попала вода с волос. Анна помнила её более полной. Или суд делал всех неподвижными и тяжёлыми.

— Мне сказали, что вы согласились, — произнесла Ольга.

— Операция необходима. Я сообщила заведующему о наших обстоятельствах. Бригада тоже знает.

Ольга кивнула, словно получила инструкцию, которую надо запомнить.

— Я не буду просить вас забыть.

Анна почувствовала, как у неё напряглись мышцы лица. Она не хотела слышать ни просьбы забыть, ни обещания помнить.

— Сейчас я могу объяснить, что происходит с вашим мужем. Кровь сдавливает мозг. Мы должны её удалить. Даже при своевременной операции повреждение может оказаться тяжёлым. Я не могу обещать, что он вернётся к прежней жизни.

— Но шанс есть?

— Есть.

Ольга зажала руки под мышками. Её трясло, но она старалась сделать это незаметным.

— Я подписала всё, что дали. Там внизу подпись, да?

— Да. С вами поговорила Тамара Викторовна?

— Поговорила.

Она смотрела Анне в лицо с такой сосредоточенностью, будто искала там решение, принятое заранее. Это был знакомый взгляд родственника перед операцией, и оттого Анне стало ещё труднее.

Ольга должна была бояться, что её муж умрёт. Теперь ей приходилось бояться ещё и врача.

— У меня сын дома, — сказала она. — Я сказала ему, что папа упал. Я не знаю, как объяснить...

— Пока и не нужно объяснять то, чего вы не знаете.

Анна остановилась. Это было правильное профессиональное замечание. Слишком правильное для такого разговора.

— Кто-нибудь может побыть с ним? — спросила она.

— Моя сестра едет.

— Хорошо.

За дверью звякнул инструмент. Нина окликнула Серова. Время проходило.

— Вы можете сейчас ждать внизу, — сказала Анна. — Вам сообщат, когда закончим.

Ольга шагнула ближе.

— Он не падал.

Анна не поняла, почему женщина решила сказать это именно сейчас.

— Как его нашли?

— Мне позвонили со скорой. Сказали, у гаража. Там его знакомый обнаружил. Паша вчера говорил, что надо встретиться с человеком. Я подумала — по работе. Он ремонтирует машины. После... после освобождения.

Она произнесла последнее слово без попытки смягчить.

— Сведения передайте сотруднику приёмного отделения,
— сказала Анна. — Для нас важно знать обстоятельства травмы. Но сейчас я не могу этим заниматься.

— Я понимаю.

Ольга не ушла.

— Что-то ещё?

— Если он начнёт говорить...

Она оборвала фразу. Анна ждала.

— Ничего. Простите.

Женщина отступила от двери. Анне хотелось спросить, что именно она собиралась сказать. Тот же вопрос, с другой интонацией, мог бы принадлежать врачу, матери Лизы или человеку, который три года носил в себе незаконченный разговор. Сейчас разделить их она не могла.

— После операции, — сказала Анна. — Если будет возможность.

Ольга ушла к лестнице.

Анна вспомнила судебный коридор. Там Ольга однажды

попыталась заговорить с Ильёй, и он повернулся к стене. Она не знала, что это было — жестокость или последняя возможность не сорваться. До сегодняшней ночи ей не приходило в голову спросить.

Серов подошёл к столу, где были разложены документы.

— Родственники просят кого-то конкретного? — спросил он.

— Нет.

— Они знают?

— Да.

Он проверил номер снимков, хотя проверял его несколько минут назад.

— Кирилл.

Он поднял глаза.

— Мне не нужно, чтобы вы делали вид, будто ничего не случилось. Но пациент должен получить всё, что получил бы другой.

— Вы это себе говорите?

Она посмотрела на него. Он не отвёл взгляд.

— В том числе.

Они прошли к шлюзу. В зеркале над раковиной Анна увидела себя между двумя дозаторами: седой волос у виска выбился из-под шапочки. Она убрала его и включила воду.

Серов занял соседнюю раковину. Они мыли руки в молчании. Его локоть случайно коснулся её локтя, и он отодвинулся слишком резко.

Когда они вошли, Тамара уже сидела у монитора. Нина проверяла салфетки. Дежурная сестра назвала вслух пациента, сторону и предполагаемое вмешательство. Анна повторила. Серов подтвердил.

Эта последовательность была придумана для ошибок, которые могли совершить любые люди. В сегодняшнюю ночь она вдруг стала единственной формой порядка, которой Анна доверяла.

Перед ней лежало подготовленное поле. Лицо было скрыто. Фамилия не исчезла, но больше не находилась там, куда ей предстояло смотреть.

— Если я замолчу, спросите, что делаю, — сказала она Серову.

Тамара повернула голову.

— Она всегда замолкает, когда работает, — заметила она. — Смотри на работу. И спрашивай нормально, без экзамена.

Анна была благодарна ей за сухую интонацию. Тамара не защищала её от наблюдения. Она возвращала ему нужный смысл.

Нина подала инструмент.

Анна взяла его привычным движением. Пальцы помнили вес. За двадцать лет она привыкла считать эту память преимуществом. Сегодня впервые подумала, что она может спрятать от окружающих всё остальное.

Она сделала первый разрез.

Ничего не изменилось в её отношении к Зуеву. Она не по-

чувствовала прощения, благородства, даже облегчения. Появилась работа, которую нельзя было выполнять вполсилы.

Серов помогал. Нина понимала её короткие просьбы. Тамара называла показатели, когда они требовали внимания. В комнате было достаточно людей, чтобы Анна не оставалась один на один с собственным решением, и каждый занимался тем, что умел.

Через несколько минут Серов попросил изменить положение отсоса.

— Здесь лучше видно, — сказал он.

— Да, спасибо.

Она услышала собственный голос и поняла, что говорит с ним так же, как в любую другую ночь. Он тоже это слышал. Плечи у него чуть опустились.

Дверь открылась, и в операционную вошёл Рудин. Переодетый, ещё с влажными висками.

— Докладывайте, — сказал он.

Анна кратко изложила, что уже сделано и что она видит. Он подошёл к экрану, потом к столу.

— Я здесь, — произнёс Рудин.

Она не стала уточнять, кому он это сказал.

Глава 4

Когда костный лоскут подняли, Анна попросила на секунду убрать отсос.

Ей нужно было увидеть поверхность целиком. Серов послушался, и в наступившей короткой паузе стало слышно, как Тамара перелистывает лист наблюдения.

Твёрдая оболочка была напряжена. Под ней находилось то, что на снимке выглядело белой полосой и что теперь нельзя было воспринимать как изображение.

Анна назвала следующий этап. Серов повторил. Рудин стоял с противоположной стороны и смотрел на её руки. Присутствие заведующего не давало ей права делать меньше. Оно позволяло не тратить силы на мысль о том, что потом никто не сможет подтвердить увиденное.

После вскрытия показалась тёмная кровь. Часть сгустка удалось убрать сразу, часть удерживалась глубже. Анна работала медленно там, где торопливость могла повредить ткань, и быстрее там, где ожидание не давало ничего. Эти различия нельзя было объяснять после каждого движения. По движениям Серова она понимала, что он успевает следить и помогать.

— Здесь, — сказала она.

Он изменил угол инструмента.

— Вижу.

Тамара сообщила об изменении давления. Анна остановилась ровно настолько, насколько требовалось, чтобы сопоставить это с происходящим на столе. Потом продолжила.

Лиза не вспоминалась. Это испугало её больше, чем если бы дочь встала перед глазами. Ещё час назад Анне казалось, что она не сможет дотронуться до Зуева, а сейчас задача занимала всё доступное внимание. Значит ли это, что остальное можно отложить так просто?

Она знала ответ. Раньше тоже откладывала — на операцию, обход, разговор с родственниками. После работы всё возвращалось. Иногда прямо в лифте, иногда в машине, иногда дома, когда срабатывала микроволновка и оказывалось, что ужин разогрет на двоих.

На секунду у неё возникла мысль, от которой стало холодно: достаточно не успеть. Не делать ничего заметного. Позволить травме оказаться сильнее, позволить ночи, нехватке людей, задержке на мосту объяснить результат.

Она не выбрала эту мысль и всё-таки успела понять её удобство. Мир предоставлял множество причин, которыми можно было прикрыть собственное желание. Три года она требовала, чтобы Зуев не прятался за словами «не справилсь». Сейчас сама увидела место, куда можно спрятаться.

Анна убрала руку с поля на мгновение, необходимое для смены инструмента, и сказала:

— Тамара, называй изменения сразу. Даже если думаешь, что я уже вижу.

— Называю, — ответила та. — Ты слышишь?

— Слышу.

Серов посмотрел на неё. Анна вернула руку и продолжила. Ей хотелось рассказать им всё, немедленно, чтобы у мысли больше не осталось тайного места. Но разговор потребовал бы внимания, которое принадлежало пациенту. Для бригады сейчас имели значение её действия.

Она проверила участок, который ещё нужно было освободить. Работа не стала легче после этого внутреннего признания. Оно не очистило её и не дало нового права на уверенность. Приходилось выполнять следующее движение, потом следующее, замечать сопротивление ткани и вовремя останавливаться там, где продолжение могло навредить.

Зуев лежал неподвижно. Он не мог знать, насколько близко её желание подошло к возможности. Она тоже не могла измерить эту близость и потому не собиралась доверять одному обещанию, данному у раковины.

— Виктор Павлович, посмотрите отсюда, — попросила Анна.

Рудин занял положение рядом. Нина подала ему то, что было нужно, без вопроса. Он посмотрел, назвал ориентир, который совпал с её оценкой.

Анна кивнула. Ей не пришлось изображать одиночество, чтобы остаться хирургом.

— Анна Сергеевна, — позвал Серов.

Она посмотрела туда, куда он показывал.

Они нашли источник продолжающегося кровотечения. Здесь понадобилось время. Рудин подвинулся ближе, помог освободить нужный участок. Анна не возражала и не пыталась удержать всё в собственных руках.

Через некоторое время стало видно, что кровь больше не поступает с прежней силой. Но мозг оставался отёчным. Освобождённого пространства было недостаточно для спокойного завершения.

Нина подняла глаза.

— Лоскут?

— Пока не возвращаем, — сказала Анна.

Серов посмотрел на неё слишком быстро.

Ей показалось, что она понимает причину этого движения. Снаружи, для человека, знавшего только слово «операция», решение не поставить часть кости обратно могло выглядеть жестокостью. Даже Серов, который прекрасно понимал показания, в эту ночь проверял её иначе.

— Посмотрите, — сказала Анна. — При возвращении получим дополнительное сдавление. Отёк выраженный. Здесь нужна декомпрессия.

Рудин кивнул.

— Согласен.

— Кирилл?

Он осмотрел поле.

— Согласен.

Ей не было нужно его разрешение. Ей было нужно, чтобы

он смотрел на пациента, а не на её биографию.

Они продолжили. После самых трудных минут наступила работа, в которой можно было позволить себе говорить больше. Нина спросила, в какой контейнер оформить лоскут. Серов уточнил запись. Тамара попросила подготовить перевод в реанимацию.

Анна заметила, что у неё болит поясница. Обычная боль после нескольких часов у стола. На мгновение ей захотелось рассмеяться: тело не сочло сегодняшнюю ночь исключительной.

— Сменю тебя на закрытии? — спросил Рудин.

Она посмотрела на поле. Большая часть решения уже была принята, но работа не кончилась.

— Да. Кирилл закончит с вами. Я внесу основные этапы и поговорю с женой.

Передавая место, она почувствовала неожиданное сопротивление. Если уйти, пациент станет жить или умирать дальше без её руки. Ещё час назад она искала замену; теперь уход казался отказом от обязанности контролировать всё до последней секунды.

Она отступила.

У стены Тамара приподняла край маски.

— Воды выпей.

— Сейчас.

— Не сейчас вообще. Сейчас, как выйдешь.

Анна кивнула.

В предоперационной она сняла перчатки. На запястье осталась светлая полоса: часы лежали в шкафчике. Она машинально повернула руку, чтобы посмотреть время, потом подняла глаза к настенным часам.

Она села за стол и начала протокол. Записывала диагноз, находки, этапы, обоснование решения. Слова стали ровными. В них не оставалось места для признания: я ненавидела этого человека и всё равно делала то, что должна.

Такое признание не относилось к протоколу.

Рядом лежала её первоначальная записка. Анна проверила время. Оно было указано верно. Она вложила оба листа в папку и на секунду накрыла её рукой.

За дверью кто-то засмеялся. Санитар обсуждал с медсестрой сломанный лифт в терапевтическом корпусе. Смех был короткий, усталый. Анна почувствовала к нему почти обиду и сразу поняла её несправедливость.

Люди не могли каждую ночь узнавать, что происходит внутри неё.

Когда Зуева повезли в реанимацию, она вышла в коридор. Рудин шёл рядом с каталкой. Серов держал папку. Пациент лежал укрытый, его лицо снова было видно.

Она посмотрела на него без попытки проверить, изменилось ли что-нибудь.

Зуев дышал с помощью аппарата. Он был жив. Всё остальное ещё предстояло узнать.

Глава 5

Ольга сидела у автомата с напитками. На соседнем стуле стоял нетронутый стакан кофе. Она поднялась раньше, чем Анна успела назвать её по имени.

— Мы закончили, — сказала Анна. — Гематому удалили. Из-за отёка пришлось оставить мозгу дополнительное пространство. Сейчас ваш муж в реанимации.

Она объяснила, что это означает, простыми словами, без сокращений. Ольга слушала и несколько раз кивала не там, где ожидалось.

— Он очнётся утром?

— Сейчас он получает препараты, которые помогают проводить лечение и обеспечивать работу аппарата. Нам нужно наблюдать, как меняется состояние. Утром оценим дальнейшие действия. Быстрое пробуждение обещать нельзя.

— Но он... вы его спасли?

Анна немного помолчала.

— Мы сделали необходимую операцию. Он жив. Опасность ещё сохраняется.

Ольга опустила обратно на стул. Анна не стала помогать ей сесть. Иногда родственникам было нужно хотя бы одно движение совершить самим.

— Спасибо, — сказала женщина.

Анна смотрела на стакан. На крышке кофе выступила кап-

ля, давно остывшая. Она не могла принять благодарность легко и не могла отвергнуть её, не сделав больно той, кто сейчас ни в чём не участвовала.

— Вас проведут к дежурному реаниматологу. Он расскажет о ближайших часах.

Ольга достала из сумки телефон. На экране было много пропущенных вызовов.

— Можно я сыну скажу, что операция прошла?

— Да. Скажите именно это.

Анна направилась к лестнице. На площадке села на широкий подоконник и позвонила Илье.

Он ответил сразу.

— Всё?

— Операция закончилась. Он в реанимации.

— Понял.

Она слышала, как у него работает автомобильный обогреватель.

— Ты где?

— Возле твоего дома. Коробку забрал. Думал занести, но там мокрое дно, пусть в машине пока полежит.

— К маме заходил?

— Да. Она не знает про него. Я не сказал.

— Хорошо.

Анна хотела, чтобы он спросил, как она. Когда он всё-таки спросил, не смогла ответить.

— Я руки чувствую, — сказала она вместо этого. —

Обычные руки. Как после любой операции.

Илья молчал.

— Я не знаю, почему мне от этого плохо.

— Приезжай. Я буду здесь.

Она вспомнила, что дежурство закончится в восемь. Смена ещё не пришла, и у неё были другие пациенты.

— Не скоро.

— Подожду до девяти. Потом на объект надо.

Они уже умели разговаривать так: со временем, адресами, конкретным пределом обещания. Когда умерла Лиза, Илья говорил «я всегда рядом», а Анна не понимала, где искать это «всегда», если просыпалась в три ночи и он спал. Теперь «до девяти» было надёжнее.

В отделении Серов заполнял лист дежурства. На столе стояла банка растворимого кофе, которую никто не закрывал до конца. Анна вымыла кружку и налила воду.

— Вы можете уходить после передачи, — сказала она.

— Я ещё должен закончить запись.

Она увидела отдельный лист рядом с историей болезни.

— О чём?

Серов положил на него ладонь.

— Об обстоятельствах операции.

Она поставила кружку.

— Пишите.

— Я не знаю, кому подавать. Рудину или сразу Белову.

— Если считаете, что пациенту угрожала опасность, заве-

дующему и главному врачу. Не оставляйте у себя.

Он поднял глаза, и Анна поняла, что её спокойствие воспринимается как давление. Как будто она настолько уверена в собственном положении, что может позволить ему жаловаться.

— Вы думаете, я хочу занять ваше место?

— Нет.

— В отделении так и скажут.

— В отделении много чего скажут. Что произошло, знаете вы.

Серов убрал ладонь. Анна увидела начало: «Считаю необходимым сообщить о высказывании...»

Не стала читать дальше.

— Я пыталась объяснить вам свою фразу, — сказала она. — Но не спросила, как вы меня поняли. Если считаете это важным, указывайте. Опишите, где находились и какую часть разговора слышали.

— Вы ведь действительно сказали, что не хотите его возбуждения.

— Да. Я это сказала. Но не говорила, что собираюсь повлиять на лечение. Запишите мои слова. А опасения укажите отдельно.

Он покраснел. На секунду она почувствовала желание дожать его, заставить признать, что он уже превратил её чувство в профессиональное намерение. Но он был уставшим врачом, который увидел ненормальную ситуацию и пытался

сделать с ней что-то ответственное.

— Кирилл, — добавила она. — Я сейчас тоже не лучший свидетель собственной интонации. Запишите всё, что помните. Потом разберём.

Он кивнул и повернул лист к себе.

Утренний обход начался в семь сорок. Анна представляла других пациентов, отвечала на вопросы, называла сроки контрольных снимков. Зуев был шестым в списке. К этому моменту она уже привыкла произносить фамилию без задержки.

Рудин выслушал доклад и спросил Серова, есть ли дополнения. Тот изложил медицинские подробности. О разговоре не сказал.

Когда остальные вышли, заведующий задержал Анну.

— Белов хочет тебя видеть. Сегодня к одиннадцати.

— Я после ночи.

— Знаю. Придётся.

— Записка дошла?

— Дошла. И записка Кирилла тоже.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Он имел право написать.

— Я знаю.

— Я должен это сказать.

— И я знаю, почему.

Рудин снял очки, протёр их краем рубашки.

— Выпись хотя бы час. Здесь сейчас ничего не надо ре-

шать.

Она хотела возразить: здесь всё продолжало решаться. Но поняла, что он говорит о ней, и не стала.

За окном дворник скреб лопатой тонкий лёд. На стоянке фары автомобилей горели в тусклом утреннем свете. Анна достала телефон. От Ильи пришло сообщение: «Я во дворе. Коробка снаружи высохла».

Она ещё раз заглянула в реанимацию, чтобы передать наблюдение, и только потом пошла к выходу.

Глава 6

Илья стоял возле машины и держал зелёную коробку обеими руками, как поднос. На крышке лежала красная варежка.

— Вторую не нашёл, — сказал он. — Мама говорит, должна быть там же.

Анна взяла коробку. Пластик был холодный, и пальцы сразу отозвались болью.

— Это не её варежка.

— Её.

— У неё были синие.

— Синие были потом. Эти я покупал, когда мы на озеро ездили.

Она посмотрела на варежку. Большой палец был вывернут внутрь. На запястье виднелась вытянутая петля.

— Ей тогда сколько было?

— Десять. Она ещё говорила, что красные заметнее, если потеряется.

Анна не помнила этой поездки. Дежурила, потом приехала на один день, проспала половину воскресенья на диване в домике. Илья с Лизой катались с горки на пластиковой ледянке. Она помнила запах мокрых носков на батарее и раздражение из-за громкого телевизора за стеной.

Они вошли в подъезд. Лифт не работал, и пришлось под-

ниматься пешком. Илья забрал у неё коробку на втором этаже. Она позволила.

В квартире было холодно. Анна открыла форточку перед дежурством и забыла закрыть. Илья прошёл на кухню, проверил батарею, поставил чайник. Эти движения раздражали её своей привычностью и успокаивали по той же причине.

— Я ненадолго, — сказал он, заметив её взгляд.

— Я не гоню.

Она сняла ботинки. На носке остался белый след от бахилы. Подумала о Зуеве — его обувь всё ещё могла стоять в приёмном, забытая под каталкой.

Илья положил варёжку на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.